

Категория ужасного в сказке и этнокультурное образование в детском саду

DOI 10.31483/r-64083

УДК 398.2; 37

Самоделова Е.А.

ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)», Москва, Российская Федерация.

ID <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>, e-mail: helsa@rambler.ru

Резюме: До появления детских садов как особых учреждений в России народные сказки рассказывали ребенку его родные, а далее роль таких рассказчиков перешла к воспитателям детских учреждений, ставшим читать фольклорные и авторские произведения по книгам. *Цель статьи:* показать, что смена обстановки с домашней на официальную существенно меняет восприятие ребенком сказочных произведений, и педагогам следует особо тщательно подбирать художественные тексты. *Методы:* дана краткая историческая справка об особенностях бытования фольклорных сказок в патриархальной среде и проведено сопоставление с ознакомлением детей с ними по книгам в настоящее время. *Результат:* фольклорные сказки создавались в архаичную эпоху и потому не соответствуют современным этическим нормам; даже авторские сказки писателей-классиков, основанные на народных сказках, наследуют многие их черты, в том числе и упоминания о жестокости. *Делается вывод о том,* что содержащиеся в народных сказках элементы эстетики ужасного могут ранить неокрепшие детские души.

Ключевые слова: педагогическая полемика вокруг сказки, сказочная мораль, эстетика ужасного, сказкотерапия, детские сказки.

Для цитирования: Самоделова Е.А. Категория ужасного в сказке и этнокультурное образование в детском саду // *Этническая культура*. – 2019. – № 1 (1). – С. 62-67. DOI:10.31483/r-64083.

Category of Terrible in the Tale and the Ethnic and Cultural Education in Kindergarten

Elena A. Samodelova

PFIS "A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation.

ID <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>, e-mail: helsa@rambler.ru

Abstract: Relatives of child told him the tales before appearance the kindergartens as special institutions, and then the role of this narrators was passed on the kindergarten teachers, which were standing to read the folk and author's work on books. *The aim of paper* is to show, how the replacement of the environment from home to official substantially changes the perception by child of the tales, and the pedagogues must select the recitation especially carefully. *Methods:* brief historical survey about the features of the existence of folktales in patriarchal social environment gave; and the comparison with firsthand acquaintance of children with tales at present conducted. *Result:* the folktales were created in archaic epoch and that is why not correspond with modern ethical standards. And even author's tales of the classical writers, that were built on folktales, inherited many their traits, including the mention about cruelty. *Come to the conclusion* that the componentry of aesthetics of terrible contain in the folktales and are able to hurt the immature child's soul.

Keywords: pedagogical polemic round tales, fairy-tale morality, aesthetics of horrible, therapy by means of tales, nursery tales.

For citation: Samodelova E.A. (2019). Category of Terrible in the Tale and the Ethnic and Cultural Education in Kindergarten. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 1(1), 62-67. (In Russ.) DOI:10.31483/r-64083.

Введение

Цель статьи – продемонстрировать, как первое знакомство ребенка со сказками в различных условиях (при рассказывании сказочных произведений в семейном кругу или при чтении в книжках в детских учреждениях нового времени) совершенно по-разному может воздействовать на восприятие текста, который изначально принадлежал к фольклорной системе. Применяемые методы относятся к историко-филологическим: дается минимальная историческая справка об устном способе бытования фольклорных сказок в патриархальной среде в разных классах общества (дворянском, крестьянском и т. п.); проводится сопоставление с ознакомлением городских и даже деревенских детей с народными и литературными сказочными произведениями по книгам в настоящее время.

Результаты и обсуждение. Существует давняя педагогическая традиция считать фольклорные и литературные сказки предназначенными для воспитания детей, в том числе дошкольного возраста. Эту тради-

цию установили педагоги, очевидно, основываясь на широко известных фактах рассказывания сельским ребятишкам сказок их няньками (обычно старшими сестрами и братьями, реже – специально нанятыми людьми): напр., А.С. Пушкину – его няней Ариной Родионовной. Антоний Погорельский (А.А. Перовский) сочинил в 1829 г. сказку «Черная курица, или Подземные жители» для племянника Алёши; народную сказку «Аленький цветочек» С.Т. Аксаков записал «со слов ключницы Пелагеи» в 1857 г. и опубликовал в 1858 г. как приложение к «Детским годам Багрова-внука». В традиционном (патриархальном) обществе на протяжении многих столетий роль воспитания малышей отводилась представителям крайних полюсов малотрудоспособного населения – бабушкам и подросткам, которые прекрасно владели мастерством сказывания фольклорных сказок, равно как и многих других жанров фольклора, особенно детского. Кроме того, сказочная система обладает многомерностью, включает сказки для взрослых (эротические, новеллистические, легендарные, антиклерикальные).

С широким распространением лубочной литературы и детских книжечек «для народа» в конце XIX в., и особенно с появлением «детских городков», с «калькированием» в начале XX века в российской столице этих немецких и французских заведений, а также с учреждением детских садов в советское время обязанности воспитания были переложены на общество и, соответственно, на «детских садовниц» и воспитательниц как общественных наставников [7]. Примерно одновременно с возникновением такого социального «института детства» (пока еще не оформленного категориально и терминологически) наблюдались постепенное угасание и затем утрата устной традиции рассказывания сказок; происходила замена живого повествования на книжное чтение. Казалось бы, жанр (точнее, разветвленная жанровая система) сказки продолжал существовать, но исчезла многомерность его исполнения. Прежде сказочная исполнительская манера подключала к словесному тексту доверительную устную речевую интонацию, варьирование тембра голоса, сказывание речитативом с переходом на пение и плач в соответствующих «репликах», «монологам» и песенкам персонажей, понятную мимику и жестикуюляцию, акциональную имитацию главных сельскохозяйственных действий, акцентирование на знакомом ребенку интерьере крестьянской избы и двора. Также обязательно учитывалось суточное и календарное время исполнения сказок (преимущественно вечернее и осенне-зимнее, особенно во время Святков) и, самое главное, существовала строгая предназначенность лишь отдельных сюжетов детям дошкольного и младшего школьного возраста [12; 26].

Когда функции сказочника с частного лица были перенесены на профессионала-воспитателя, педагоги (ученые и практики) закономерно обратились к проблеме содержания фольклорной сказки. Они поняли, что нравственная шкала представлений о добре и зле, о социальной справедливости оказывается размытой и неустойчивой, дифференцированной и вариативной в фольклорной сказке, равно как и в литературной сказке, если она основана на народных устно-поэтических сюжетах. Большинство этих сюжетов возникло на сломе эпохи первобытности и в начале государственности, когда философские категории этики и морали еще не были выработаны в том виде, в котором они будут осознаваться при христианстве (мусульманстве и др. монотеистических мировых религиях). Малоперспективными представляются попытки некоторых фольклористов уже в начале-середине XX века отыскать сказки о крепостном праве или сказки о борьбе с фашизмом во время Великой Отечественной войны, хотя отдельные записи все-таки были произведены («Богатырь-освободитель и Змей-Горыныч», «Мудрая мать», «Заветный меч-кладенец и волшебное кольцо», «Волк-людоед», «Маленькая Маша», «Как тетка Авдотья фашиста поймала», «Как фашистский генерал к партизанам в плен попал», «Про Яшку-приписника», «С полным знанием дела», «О том, как боец сбил немецкий бомбардировщик», «Не суй свиное рыло») в 1941–1945 гг. [13, с. 31–44; 15, с. 349–350; 10, с. 94–95, 96–97; 20, с. 142].

Уже первый составитель многотомного собрания русских народных сказок А.Н. Афанасьев был вынужден также составить адаптированный однотомник для детей [14]. К.Д. Ушинский адаптировал народные сказки и создал собственные («Четыре желания», «Вместе тесно, а врозь скучно», «Трусливый Ваня» и др.), вошедшие в сборники для детского чтения «Родное слово» и «Детский мир». Л.Н. Толстой как организатор школы в Ясной Поляне для «Азбуки» написал и упростил для детей целый ряд сказок и рассказов («Три медведя», «Липунюшка», «Филиппок» и др.; в XX веке «Кавказский пленник» изучается в средней школе). А.Н. Толстой с конца 1930-х гг. сделал литературные обработки множества сюжетов русских фольклорных сказок [24; 25]. Сказки для взрослых в дореволюционное время (до Октябрьской революции 1917 г.) часто подвергались цензуре (на предмет лояльности к монархической власти и Церкви), а их знатоки, собиратели и публикаторы обладали внутренним чувством автоцензуры, подводящей ряд произведений под запрет обнародования перед широкой аудиторией.

В 1920–1930-х гг. разгорелась педагогическая полемика вокруг целесообразности воспитания детей с помощью фольклорной и литературной сказки. При Советской власти сказки стали рассматриваться исключительно в русле детского чтения, без учета давней традиции бытования определенной части этих произведений как «сказок для взрослых». Тогда педагогов волновало несоответствие сказочного мира социалистической действительности и коммунистической морали. Появлялись работы с лозунговыми названиями: напр., «Сказка как фактор классового воспитания» Э.В. Яновской (1923) [32]. В то же время Э. В. Яновская прекрасно понимала важность отбора педагогом подходящих сказочных текстов (именно «детских сказок») для воспитания малышей: «И если верно, что наше критическое око нужно везде и повсюду, то оно особенно необходимо в те минуты, когда детям рассказывается сказка, – та самая сказка, которая детей радует и печалит, восхищает и волнует, и которая имеет такое огромное влияние на эмоциональную жизнь ребенка» [32, с. 4]. Э.В. Яновская подчеркивала, что единомышленники лучших педагогов, включая К.Д. Ушинского, насчет огромного воспитательного значения народных сказок основано на биогенетической гипотезе о том, что дети при взрослении проходят все этапы развития человечества, только в сокращенном виде и убыстренном темпе (иначе говоря, «онтогенезис повторяет филогенезис») [32, с. 19]. Получается, будто стадия «маленького дикаря» предвдвывает «современного культурного человека», поэтому надо «дать ребенку пережить всю полосу «Робинзонады» [32, с. 20, 21]. Э.В. Яновская против воспитания на основе народных сказок, которые наполнены эстетикой ужасного: Тут и «Баба-Яга», и «Василиса-прекрасная», и «Кошей бессмертный», и «Сивка-бурка», и «Золушка» – тут все излюбленные герои, которые рождают в детях, с одной стороны, самые ложные понятия об истинной красоте человеческой жизни, а с другой – страх, ужас, религиозное настроение, мещанские предрассудки, веру в сверхъестественные силы» [32, с. 21].

В ведущей статье «Сказка и ребенок» (давшей заглавие «Педологическому сборнику» 1928 г.) Г. Фортунатов обозначил воспитательную задачу: «Одной из очередных проблем советской педагогики является вопрос о сказке: допустима ли сказка как материал для рассказывания и детского чтения, если допустима – то в каких формах и в каких пределах, а если нет – то чем можно заполнить пустое место, которое остается в детской жизни после «сокращения за штат» сказки – этой как будто бы устаревшей и не поддающейся переподготовке работницы соцвоса?» [27, с. 5].

В настоящее время случаются казусы, когда педагоги «вдруг» обнаруживают элементы устрашения в сказочном жанре, который по привычке почему-то считают детским. Получила печальную известность история с воспитательницей коррекционной группы детского сада в г. Таганрог в 2019 г [2; 3]: ребенок попросил ее объяснить выражение «посадить на кол» из литературной сказки «Конек-горбунок» П.П. Ершова, которая основана на фольклорном сюжете (СЭС 531=К 531) [23]. Странно, что объемный «Конек-горбунок», к тому же стихотворный, утвержден Министерством просвещения РФ и включен в программу средней (!) и старшей групп детского сада – наравне с действительно простенькими сказочками [5, с. 74; 22; 29].

С жанром сказки (фольклорной и литературной) связано ложное психологическое клише, будто такого рода произведения всегда благостны, имеют happy end, ориентированы на детей. Хотя уже Д.И. Фонвизин сообщал о страхе, навеваемом народными сказками: «Приезжавший из нашей деревни мужик, рассказывая о своем детстве, сказывал нам такие сказки и так настраивал меня мертвецами и темнотой, что я до сих пор неохотно один остаюсь в потемках» [32, с. 6]. Ему вторил И.А. Гончаров: «Сказка не над одними детьми, но и над взрослыми до конца жизни сохраняет свою власть. Если с возрастом пропадает самая вера в призраки, то остается какой-то осадок страха и безотчетной тоски» [32, с. 6].

В 1911 г. методический журнал «Что и как читать детям» опубликовал отзыв на сборник «Сорочьи сказки» А.Н. Толстого, сомневаясь в возможности отнесения его к детской литературе: «Довольно часто книгу, озаглавленную сказками, считают за детскую и, что всего ужаснее, забывая читателя, ребенка, восторгаются ею, особенно рекомендуют ее. Совершенно то же произошло и с книгой «Сорочьи сказки». Мы не входим в оценку их вообще, не критикуем их с художественной стороны, хотя никакой «художественности» в них не усматриваем; мы только осознаем себя обязанными указать, на каком основании эту шумевшую почему-то книгу ни в коем случае нельзя считать подходящей ни одному детскому возрасту, а уж тем более младшему» [4, с. 16–17]. Далее безымянный автор цитирует сказки «Мышка», «Смирный муж», «Маша и мышки», «Картина» и «Звериный царь», доказывая невозможность их адресации детям [4, с. 17–18].

И в отношении фольклорной сказки А.А. Блок 5 ноября 1915 г. отмечал в записной книжке присутствие компонента ужасного: «Я недостаточно знаю русские

народные сказки, чтобы судить о том, очень ли силен в них элемент жестокости. Что он в них содержится в той или иной мере, во всяком случае, несомненно.

О тех сказках, где жестоки только подробности, не составляющие сути дела, говорить нечего. Стоит подумать о тех сказках, в которых заключена «жестокость для жестокости», так сказать.

Всякая сентиментальность и по отношению к этим сказкам, по-моему, может только повредить. Нельзя ни на минуту забывать о том, прежде всего, что сказки – не так называемое «индивидуалистическое» творчество, что, следовательно, жестокость в них не есть проявление только «безумной прихоти певца», но имеет глубокие корни» [31, с. 391].

Князь Е.Н. Трубецкой в лекции «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» в Новочеркасске в 1919 г. поднимал вопрос об онтологическом статусе страха в фольклорном сказочном жанре: «Словом, в сказке человек ежеминутно сталкивается с напоминаниями о каком-то роковом для него пределе. Его зависимость свыше выражается в разнообразных образах. Прежде всего, чтобы привлечь на свою сторону сверхъестественные силы или обезопасить силы, ему враждебные, человек должен знать их тайну. Отсюда его зависимость от знающих волшебную науку – ведунов, по преимуществу старцев или вещей старух; они научают его, как обойти препятствие, как достать «живую воду» или как спастись от преследования мчащейся на шести крыльях коне страшной ведьмы <...>» [26, с. 470].

Философ И.А. Ильин в «Духовном мире сказки» («Слове, произнесенном на вечере русской сказки в Берлине» 3 мая 1934 г.) вопрошал о сути страха как проявления конституционального свойства дитяти: «О чем спрашивает человек сказку? <...> Спрашивает по-младенчески, беспомощно, недоуменно, коснувшись зла и страха на земле, но не коснувшись или едва коснувшись ризы Божией; как испугавшееся и задумавшееся дитя спрашивает маму или няню, – с широко раскрытыми глазами, в которых и испуг, и тревога, и любопытство, и благоговение; как если бы ответ был легок и прост; и с тем, чтобы немедленно поверить... А ответ ему дается не из религии, а из дорелигиозной магической глубины, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили некую национальную, но не последнюю, а предпоследнюю суеверно-языческую мудрость...» [9, с. 1139].

При огромном массиве научной литературы о сказках пока не решены психологические проблемы воздействия фольклорного жанра на человека, тем более маленького. Остаются не собраны и не изучены свидетельства известных людей о воздействии на них сказок в детстве и во взрослой жизни; не записаны и не проанализированы фольклорные сказки, известные исполнителям из печатных источников и приспособленные ими для детей (как при этом меняется текст, откуда берется знание напева в песенных вставках?). Не проанализировано влияние кинофильмов и телефильмов на сказочные сюжеты, а также радиопередач и грампластинок со сказками, пересказанными известными писателями-сказочниками (А.Н. Нечаевым,

Н.В. Рыбаковой, А.Н. Толстым, Андреем Платоновым, Мих. Булатовым и др.) и прочитанными талантливыми артистами-дикторами, на постижение сказочных произведений детьми, равно как и на видоизменение репертуара носителей локальной сказочной традиции. Не исследована важная психологическая проблематика: это особенности восприятия сказочных текстов ребенком; причины сочинения сказок писателями; изменение в исторической ретроспективе рекомендаций и программ чтения сказок для детей. Между тем И.А. Разумовой издан сборник народных сказок, записанных от ребятишек с 1926 по 1983 г. на Русском Севере [6], сопоставление которого с многочисленными собраниями сказок, рассказанных взрослыми и особенно профессиональными сказочниками, может продемонстрировать разницу в восприятии сказочных произведений детьми и людьми старшего возраста в один и тот же исторический период, особенно в послевоенное время угасания сказочного жанра. Не уяснена разница в рассказывании одного и того же сказочного сюжета исполнителями-родственниками, относящимися к разным возрастным и гендерным группам – бабушкам-дедушкам, родителям и детям [17; 18]. Не отмечены различия в рассказывании сказок талантливыми сказочниками и обычными носителями фольклорной традиции – при условии, что сказочные сюжеты продолжают находиться в активном бытовании в естественной среде.

Исчезновение привычных бытовых условий сказывания сказок и прекращение наследования живой фольклорной традиции привело писателя-сказочника В.А. Бахревского в 2017 г. к инициативе создать «Общество в защиту сказки» [16]. Фольклорная сказка уже с эпохи романтизма начала осознаваться писателями как национальное достояние, а со второй половины XIX в. стала восприниматься фольклористами-собираателями как вымирающий жанр, как словесный «памятник старины». Однако и в настоящее время в эстетическом образовании детей сказка преподносится как естественный спутник ребенка, как некий «ровесник детства», условно говоря. А ригору предполагается, будто этические законы современности присутствуют в фольклорной сказке, даже самой архаической по сюжету (!).

Нередко представители разных гуманитарных дисциплин (не фольклористы) словом «сказка» обозначают не произведение сказочного жанра (прежние его синонимичные названия – «байка», «басня», «прибабка» и др.), а представление о чем-либо возвышенном, высоконравственном, забывая о сути термина, его происхождении от глагола «сказывать» и понятия «ревизская сказка». Такова проблематика XXV Всероссийской научно-практической конференции «Филология и школа: Россия в русской литературе: сказка и быль (перспективы изучения и преподавания)» 5–6 ноября 2015 года в ИМЛИ РАН, на которой рассматривались вопросы: «сказочные высоты (о возможностях и смыслах русской художественной речи)», «сказочность вещественного в отражении литературы» и др. [1]. Пси-

хологи практикуют «сказкотерапию»: ее суть сводится к придумыванию педагогом или группой детей авторской сказки, которая, как правило, далеко отстоит от фольклорного жанрового канона и имеет сглаженный конфликт, а то и вовсе обходится без него [8; 11; 21; 30].

Ради развития «ситуативного туризма» журналист Алексей Козловский создал «Сказочную карту России» [19], в которой за целым рядом населенных пунктов закреплена «малая родина» сказочных персонажей; часто такая «сказочная география» надуманна (напр., курочку рябу отправили в пос. Ермаково Ярославской обл., золотую рыбку поселили в с. Болдино Нижегородской обл., где находился в ссылке А.С. Пушкин; персонажа былины Добрыню Никитича прикрепили к Шиловскому р-ну Рязанской обл. и т. п.).

Между тем в основе любой сказки лежит конфликт, отсылающий к антитезе «жизнь – смерть», а способ его разрешения может навеять ужас на впечатлительного ребенка. Уже система сказочных персонажей является пугающей для малышей (и зачастую используется старшими для запугивания детей): Баба-Яга – костяная нога, Кошей Бессмертный и его смерть на конце иглы, медведь на липовой ноге, черт и даже Смерть. Появление или исчезновение ряда сказочных героев тоже способно навеять страх: мальчик-с-пальчик возникает из отрубленного мизинца старухи при рубке капусты для квашения (СУС 700); «битый небитого везет» и у лисы из головы как бы вытекает мозг от побоев (на самом деле это тесто) (СУС 3 + СУС 4); слепленная из снега Снегурочка растаяла весной (СУС 703* = AA*171, *703); колобка съела лиса (СУС 2025 = AA *296) и т. п. «Указатель сказочных сюжетов: Восточнославянская сказка» (1979) четко определяет сюжеты, и их номенклатура уже может вызывать опасения у ребенка (если бы он знал): «Бог награждает и наказывает», «Запроданный черту»; «О разбойниках и ворах», «О судьбе» [23]. Тем не менее чувство страха ведет к взрослению ребенка: этой цели служит не только поэтика ужасного в сказке, но и специальные фольклорные жанры – былички и страшилки (страшные истории), сатиристские стишки, детские страшные гадания.

Выводы. Поскольку фольклорные сказки пришли на смену мифологии на сломе архаических эпох, когда еще в полную силу действовало магическое мышление, постольку их эстетика и идейно-содержательная сторона не соответствуют нравственным нормам современности. Даже авторские сказки писателей-классиков, сюжеты которых построены на народных сказках, наследуют многие их мировоззренческие черты, в том числе допустимость жестокости. Содержащиеся в народных сказках элементы эстетики ужасного могут ранить неокрепшие детские души. Именно поэтому воспитателям и учителям следует контролировать восприятие сказочного материала детьми, а составителям образовательных программ – внимательно читать сказки и размышлять о том, не могут ли они представлять опасность для неокрепшей детской души.

Список литературы

1. Филология и школа: Россия в русской литературе: сказка и быль (перспективы изучения и преподавания): материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 5–6 ноября 2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imli.ru/sem-i-konf-arkhiv-2015/1746-xxv-vserossijskaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya> (дата обращения: 10.11.2019).
2. В Таганроге воспитателя уволили за чтение сказки «Конек-Горбунок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2241723/> (дата обращения: 16.12.2019).
3. В Таганроге уволили воспитательницу детского сада, объяснившую детям, что означает фраза «сажать на кол» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.donnews.ru/V-Taganroge-uvolili-vospitatelnitsu-detskogo-sada-obyasnivshuyu-detyam-chto-oznachaet-fraza-sazhat-na-kol_99428
4. Толстой А.Н. Сорочьи сказки. – СПб.: Общественная Польза, 1910. – 119 с.
5. Гризик Т.И. Планирование работы в детском саду с детьми 5–6 лет: метод. рекомендации для воспитателей / Т.И. Гризик, И.Г. Галянт, Г.В. Глушкова [и др.]. – М.: Просвещение, 2012. – 207 с.
6. Дети-сказочники / сост., вступ. ст. и примеч. И.А. Разумовой. – Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1995. – 200 с.
7. Детским садовницам. Схематизированный опыт работы в детском саду владимирских дошкольных работников. – Владимир: Губ. науч.-метод. совет, 1923. – 75 с.
8. Дубей-Кумсиева И. Исцеляющие бабулины сказки: сказкотерапия для детей и взрослых. – Новокузнецк: Союз писателей, 2019. – 44 с.
9. Ильин И.А. Путь духовного обновления. – 2-е изд. – М.: Изд-во Ин-т русской цивилизации; Родная страна, 2017. – 1216 с.
10. «И поет мне в землянке гармонь...» Фольклор Великой Отечественной войны / сост. Б.П. Кирдан. – М.: Просвещение, 1995. – 288 с.
11. Лабиринт души: терапевтические сказки / под ред. О.В. Хухлаевой, О.Е. Хухлаева. – 15-е изд. – М.: Академический проект, 2019. – 207 с.
12. Мурзаев В.С. Почитать да поработать. Руководство для чтения русских сказок с детьми младшего возраста дома, в детском саду и в школе, в связи с рисованием, играми, пением, драматизацией и ручным трудом. – 3-е изд. – М.: Задруга, 1918. – Вып. 1. – 64 с.
13. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны / сост. В.А. Тонков. – Воронеж: Воронежское обл. книгоиздательство, 1951. – 140 с.
14. Русские детские сказки, собранные А.Н. Афанасьевым. – 3-е изд. – М.: «Сотрудник школы» А.К. Залеской, 1883. – 306 с.
15. Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В.Е. Гусев. – М.; Л.: Наука, 1964. – 478 с.
16. Русский фольклор как историческая основа современной литературы. Пресс-конференция от 22.11.2016 г. в 11:00 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pressmia.ru/pressclub/20161122/951307241.html> (дата обращения: 09.11.2019).
17. Самоделова Е.А. Сказки и сказочники Центральной России в конце XX-начале XXI веков: Наблюдение-исследование // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2013. – Вып. 51. Т. 2. – 222 с.
18. Сказки Центральной России в конце XX-начале XXI веков в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2013. – Вып. 51. Т. 1. – 249 с.
19. Сказочная карта России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chancetotrip.com/russian-fairy-heroes/> (дата обращения: 10.11.2019).
20. Соколов Б.М. Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности. – М.: Новая Москва, 1926. – 166 с.
21. Соколов Д.М. Сказки и сказкотерапия. – М.: Класс, 2008. – 280 с.
22. Список литературы для детей от шести до семи лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://baby-school.narod.ru/media/literat_6.html (дата обращения: 10.11.2019).
23. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашнико [и др.]. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.
24. Толстой А.Н. Русские сказки. Т. 1. – М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1940. – 200 с.
25. Толстой А.Н. Русские сказки. В обработке А. Толстого. – М.; Л.: Детгиз, 1944. – 80 с.
26. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 512 с.
27. Фортунатов Г. Сказка и ребенок // Сказка и ребенок: Педологический сб. / под ред. Н. Рыбникова. – М.; Л.: Гиз, 1928. – 111 с.
28. Хлодовская В.Ф. Что показывать и как рассказывать маленьким детям. – М.: Охрана материнства и младенчества, 1927. – 48 с.
29. Что и когда читать детям (на основе «Программы воспитания и обучения в детском саду» под ред. М.А. Васильевой, В.В. Гербовай, Т.С. Комаровой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://baby-school.narod.ru/media/tek_literat.html (дата обращения: 10.11.2019).
30. Шакарбиева С.В. Сказкотерапия для школьников: Практические задания и упражнения для работы с детьми с ОВЗ: методич. пособие. – М.: Планета, 2019. – 127 с.
31. «Я лучшей доли не искал...» Судьба А. Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях / сост., коммент. В.П. Енишерлова. – М.: Правда, 1988. – 556 с.
32. Яновская Э.В. Сказка как фактор классового воспитания // Путь просвещения. – №11. – Харьков: Путь просвещения, 1923. – 44 с.
33. Что и как читать детям. – СПб., декабрь 1911. – №3. – С. 16–18.

References

1. Filologiya i shkola: Rossiia v russkoi literature: skazka i byl' (perspektivy izucheniia i prepodavaniia). Retrieved from <http://imli.ru/sem-i-konf-arkhiv-2015/1746-xxv-vserossijskaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya>
2. V Taganroge vospitatelia uvolili za chtenie skazki "Konek-Gorbunok". Retrieved from <https://www.ntv.ru/novosti/2241723/>
3. V Taganroge uvolili vospitatel'nitsu detskogo sada, obiasnivshuiu detiam, chto oznachaet fraza "sazhat' na kol". Retrieved from http://www.donnews.ru/V-Taganroge-uvolili-vospitatel'nitsu-detskogo-sada-obiasnivshuyu-detyam-chto-oznachaet-fraza-sazhat-na-kol_99428
4. Tolstoi, A. N. (1910). Soroch'i skazki., 119. SPb.: Obshchestvennaia Pol'za.
5. Grizik, T. I., Galiand, I. G., & Glushkova, G. V. (2012). Planirovanie raboty v detskom sadu s det'mi 5-6 let: metod. rekomendatsii dlia vospitatelei., 207. M.: Prosveshchenie.
6. Razumovoi, I. A. (1995). Deti-skazochniki., 200. Petrozavodsk: Karel. nauch. tsentr RAN.
7. (1923). Detskim sadovnitsam. Skhematizirovannyi opyt raboty v detskom sadu vladimirskikh doskol'nykh rabotnikov., 75. Vladimir: Gub. nauch.-metod. sovet.
8. Dubei-Kumsieva, I. (2019). Istseliaiushchie babuliny skazki., 44. Novokuznetsk: Soiuz pisatelei.
9. Il'in, I. A. (2017). Put' dukhovnogo obnoveniia., 1216. M.: Izd-vo In-t russkoi tsivilizatsii; Rodnaia strana.
10. Kirdan, B. P. (1995). "I poet mne v zemlianke garmon'..." Fol'klor Velikoi Otechestvennoi voyny., 288. M.: Prosveshchenie.
11. Khukhlaevoi, O. V., & Khukhlaeva, O. E. (2019). Labirint dushi: terapevticheskie skazki., 207. M.: Akademicheskii proekt.
12. Murzaev, V. S. (1918). Pochitat' da porabotat'. Rukovodstvo dlia chteniia russkikh skazok s det'mi mladshogo vozrasta doma, v detskom sadu i v shkole, v sviazi s risovaniem, igrami, peniem, dramatizatsiei i ruchnym trudom., 1, 64. M.: Zadruga.
13. Tonkov, V. A. (1951). Narodnoe tvorchestvo v gody Velikoi Otechestvennoi voyny., 140. Voronezh: Voronezhskoe obl. knigoizdatel'stvo.
14. (1883). Russkie detskie skazki, sobrannye A.N. Afanas'evym., 306. M.: "Sotrudnik shkoly" A.K. Zalesskoi.
15. Gusev, V. E. (1964). Russkii fol'klor Velikoi Otechestvennoi voyny., 478. M.; L.: Nauka.
16. Russkii fol'klor kak istoricheskaiia osnova sovremennoi literatury. Press-konferentsiia ot 22.11.2016 g. v 11:00. Retrieved from <http://pressmia.ru/pressclub/20161122/951307241.html>
17. Samodelova, E. A. (2013). Skazki i skazochniki Tsentral'noi Rossii v kontse KhKh-nachale KhKhI vekov: Nabludenie-issledovanie. Riazanskii etnograficheskii vestnik, 512, 222. Riazan'.
18. (2013). Skazki Tsentral'noi Rossii v kontse KhKh-nachale KhKhI vekov v zapi-siakh E.A. Samodelovoi i druzei-fol'kloristov: Teksty. Riazanskii etnograficheskii vestnik, 511, 249. Riazan'.
19. Skazochnaia karta Rossii. Retrieved from <http://chancetotrip.com/russian-fairy-heroes/>
20. Sokolov, B. M. (1926). Poeziia derevni: Rukovodstvo dlia sobiraniia proizvedenii ustnoi slovesnosti., 166. M.: Novaia Moskva.
21. Sokolov, D. M. (2008). Skazki i skazkoterapiia., 280. M.: Klass.
22. Spisok literatury dlia detei ot shesti do semi let. Retrieved from http://baby-scool.narod.ru/media/literat_6.html
23. Barag, L. G., Berezovskii, I. P., & Kabashniko, K. P. (1979). Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslaviiskaia skazka., 437. L.: Nauka.
24. Tolstoi, A. N. (1940). Russkie skazki. T. 1., 200. M.; L.: Detizdat TsK VLKSM.
25. Tolstoi, A. N. (1944). Russkie skazki. V obrabotke A. Tolstogo., 80. M.; L.: Detgiz.
26. Trubetskoi, E. N. (1998). Izbrannye proizvedeniia., 512. Rostov n/D: Feniks.
27. Fortunatov, G. (1928). Skazka i rebenok. Skazka i rebenok: Pedologicheskii sb, 111. M.; L.: Giz.
28. Khlodovskaia, V. F. (1927). Chto pokazivat' i kak rasskazyvat' malen'kim detiam., 48. M.: Okhrana materinstva i mladenchestva.
29. Vasil'evoi, M. A., Gerbovoi, V. V., & Komarovoi, T. S. Chto i kogda chitat' detiam (na osnove "Programmy vospitaniia i obucheniia v detskom sadu" pod red.,). Retrieved from http://baby-scool.narod.ru/media/rek_literat.html
30. Shakarbieva, S. V. (2019). Skazkoterapiia dlia shkol'nikov: Prakticheskie zadaniia i uprazhneniia dlia raboty s det'mi s OVZ., 127. M.: Planeta.
31. Sud'ba, A., & Enisherlova, V. P. (1988). "Ia luchshei doli ne iskal..." Bloka v pis'makh, dnevnikh, vospominaniakh., 556. M.: Pravda.
32. Ianovskaia, E. V. (1923). Skazka kak faktor klassovogo vospitaniia. Put' prosveshcheniia, 11, 44. Khar'kov: Put' prosveshcheniia.
33. Chto i kak chitat' detiam., 16-18.

Информация об авторе

Самоделова Елена Александровна – д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Elena A. Samodelova – doctor of philological sciences, senior research fellow of PPFIS "A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation